

Научная статья
УДК 519.83:347

Теоретико-игровая модель проведения публичного обсуждения правового регулирования предпринимательства

Ирина Игоревна Рахмеева¹, Дмитрий Викторович Филатов², Михаил Юрьевич Андронов³

^{1,2,3} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

¹ rahmееva_ii@usue.ru

² dmitryfiht@ya.ru

³ m-andronov78@yandex.ru

Аннотация. В российской практике госрегулирования укореняются институты вовлечения экономических агентов в оценку эффективности политик, анализ и корректировку регуляторной среды. Однако отмечается низкая эффективность таких инструментов для целей снижения административных издержек и слабая вовлеченность стейкхолдеров в публичные процессы управления. Это актуализирует необходимость моделирования процедур публичных обсуждений с выработкой подходов к совершенствованию коммуникаций власти и бизнеса. Целью статьи является построение модели проведения публичных консультаций, обеспечивающей возможность настройки отдельных параметров в практике государственного управления для повышения эффективности оценки регулирующего воздействия как института принятия коллективных управленческих решений. Ключевыми методами исследования стали институциональный анализ, теоретико-игровой подход, социологический опрос. Проанализированы особенности отечественных институтов принятия коллективных решений в госуправлении. На основе теории игр построена модель проведения публичных консультаций по проектам правовых актов с гражданским сообществом. В матрице игры выигрыши представлены как разница между прямыми выгодами и издержками с учетом упущенных возможностей для двух игроков – государства и предпринимателя (ассоциации). Найдено условие, при выполнении которого партнерские отношения являются равновесием в доминирующих стратегиях для обеих сторон. Результаты дополнены данными опроса госслужащих и предпринимателей относительно представлений об институте оценки правовых актов. Авторские разработки обеспечивают возможность настройки отдельных параметров в практике госуправления для повышения эффективности оценки регулирующего воздействия как института принятия коллективных управленческих решений.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, коллективные решения, коллективное регулирование, сорегулирование, бережливое регулирование, взаимодействие бизнеса и власти, публичные обсуждения, теория игр, теоретико-игровая модель

Основные положения:

♦ теоретико-игровая модель публичных консультаций по проектам правовых актов с предпринимательским сообществом приводит к четырем возможным исходам взаимодействия: доминирование государства (принятие решений «закрыто»), неформальный лоббизм, инерционный вариант и партнерские отношения. Существует условие, при выполнении которого партнерские отношения будут равновесием в доминирующих стратегиях;

♦ среди всех групп участников процедур оценки регулирующего воздействия наблюдается либо скептическое, либо оптимистическое отношение к эффективности данного института как инструмента снижения административной нагрузки и как механизма балансировки интересов сторон;

♦ в процедурах оценки регулирующего воздействия сохраняется актуальность проблемы принципала-агента, что определяет такие ключевые задачи в среднесрочной перспективе, как трансформация отно-

шений чиновников к институту оценки, увеличение вовлеченности первых лиц в совершенствование регуляторной среды, усиление степени учета позиций участников публичных консультаций и выводов заключений об оценке, снижение асимметрии доступа к информации для обеспечения доказательного подхода со стороны бизнеса.

Для цитирования: Рахмеева И.И., Филатов Д.В., Андронов М.Ю. Теоретико-игровая модель проведения публичного обсуждения правового регулирования предпринимательства // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2025. № 3 (245). С. 17–30.

Original article

A game-theoretical model for conducting a public discussion of the legal regulation of entrepreneurship

Irina I. Rakhmееva¹, Dmitry V. Filatov², Mikhail Yu. Andronov³

^{1,2,3} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

¹ rahmееva_ii@usue.ru

² dmitryfiht@ya.ru

³ m-andronov78@yandex.ru

Abstract. In the Russian practice of state regulation, institutions of involving economic agents in assessing the effectiveness of policies, analyzing and adjusting the regulatory environment are taking root. However, low efficiency of such tools for the purpose of reducing administrative costs and weak involvement of stakeholders in public management processes are noted. This actualizes the need to model public discussion procedures with the development of approaches to improving communications between government and business. The purpose of the article is to build a model of public consultations that provides the ability to adjust individual parameters in the practice of public administration to improve the efficiency of assessing the regulatory impact as an institution for making collective management decisions. The key research methods are institutional analysis, game-theoretic approach, and sociological survey. The features of domestic institutions for making collective decisions in public administration are analyzed. Based on game theory, a model of public consultations on draft legal acts with the civil community is built. In the game matrix, gains are presented as the difference between direct benefits and costs, taking into account lost opportunities for two players – the state and the entrepreneur (association). A condition has been found under which partnership relations are an equilibrium in dominant strategies for both parties. The results are supplemented by data from a survey of civil servants and entrepreneurs regarding their ideas about the institution of assessing legal acts. The author's developments provide the possibility of adjusting individual parameters in public administration practice to improve the effectiveness of assessing regulatory impact as an institution for making collective management decisions.

Keywords: regulatory impact assessment, collective decisions, collective regulation, co-regulation, lean regulation, business and government communications, public discussions, game theory, game-theoretic model

Highlights:

- ◆ the game-theoretic model of public consultations with the business community leads to 4 possible outcomes of interaction: state dominance, informal lobbying, inertia option and partnerships; there is a condition under which the "partnership" will be an equilibrium in the dominant strategies;
- ◆ all groups of participants of the regulatory impact assessment have a skeptical or optimistic attitude towards the effectiveness of this institution as a tool to reduce the administrative burden and as a mechanism for balancing the interests of the parties;
- ◆ the problem of the principal agent remains relevant in regulatory impact assessment. It defines key tasks in the medium term: transformation of officials' relations to the institute, increasing the involvement of top officials in improving the regulatory environment, increasing the degree of consideration of the positions of participants in public consultations and conclusions of assessment conclusions, reducing the asymmetry of access to information to ensure an evidence-based approach the sides of the business.

For citation: Rakhmeeva I.I., Filatov D.V., Andronov M.Yu. A game-theoretical model for conducting a public discussion of the legal regulation of entrepreneurship // Vestnik of Samara State University of Economics. 2025. No. 3 (245). Pp. 17–30. (In Russ.).

Введение

Трансформация парадигмы современного государственного управления в сторону принятия коллективных управленческих решений, учитывающих интересы всех групп экономических агентов, стала современным трендом, охватившим и российскую практику [1, с. 52; 2, с. 246; 3]. Обеспечение эффективности принятия коллективных решений государством совместно с гражданским обществом, представляющим многочисленную группу зачастую атомизированных (несплоченных) акторов, требует наличия специализированных институтов координации и сотрудничества. Большинство ученых сходятся во мнении, что эффективная институциональная среда является необходимым условием долгосрочного устойчивого развития [4, с. 156], а принятие государственных решений, не соответствующих интересам социума, приводит к провалам общества и неэффективности экономической политики и реформ [5, с. 173; 6, с. 37].

В российской практике такие институты учреждаются «сверху» через законодательство, но не всегда они успешно претворяются в жизнь. Среди наиболее масштабных институтов выделим:

♦ общественные палаты, общественные советы и иные общественные объединения, создаваемые в целях общественного контроля за деятельностью органов власти согласно Федеральному закону от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»;

♦ платформу «Российская общественная инициатива» для продвижения законодательных инициатив граждан, функционирующую в соответствии с Указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»;

♦ саморегулируемые организации, действующие в соответствии с Федеральным за-

коном от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»;

♦ оценку регулирующего воздействия проектов и экспертизу нормативных правовых актов, включающие обязательное проведение публичных консультаций с заинтересованными сторонами и осуществляемые на федеральном уровне на основании постановления Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» и на региональном на основании Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

В данной статье внимание будет сосредоточено на последнем из перечисленных институтов, направленном на согласование именно экономических интересов государственного и коммерческого секторов. Оценка правовых актов в России включает ретроспективную (экспертиза актов) и прогнозную (оценка регулирующего воздействия проектов актов) оценки. Оценки проводятся органами-регуляторами путем анализа оптимальности выбранного способа достижения цели регулирования, включающего публичные консультации с адресатами регулирования. Публичные консультации организуются путем размещения проекта (действующего) акта и сопроводительных документов на официальном сайте. Орган-регулятор может направить уведомление о начале публичных консультаций адресатам регулирования. Как правило, ведомства ограничивают рассылку ключевыми бизнес-ассоциациями. Организации могут подписаться на автоматическую рассылку уведомлений или отслеживать публичные консультации вручную. Итоговое «независимое» мнение по результатам оценки представляется в виде заключения

уполномоченным органом в сфере оценки (Минэкономразвития России на федеральном уровне или органы исполнительной власти в сфере экономики в субъектах РФ). Такое заключение содержит выводы об обоснованности государственного вмешательства и наличии (отсутствии) административных барьеров и избыточных расходов государственного бюджета или предприятий.

Несмотря на наличие «отдельных удачных примеров» [6, с. 37] предотвращения введения избыточного регулирования через институт публичных консультаций, сохраняется в целом низкая гражданская активность в части применения данного инструмента. Многие значимые вопросы остаются без реакции со стороны адресатов регулирования. Так, в исследовании коллектива Центра перспективных управленческих решений [7] доказана сильная положительная корреляция количества отзывов на проект акта с подготовкой Минэкономразвития России отрицательного заключения и отказом от продолжения разработки проекта ведомством-регулятором, а также установлено, что более половины проектов актов на федеральном портале не получают ни одного голоса «за» или «против» и ни одного комментария. Авторы данной статьи, в первую очередь, интересуют стимулы, как положительные, так и отрицательные, для включения предпринимательского сообщества в обсуждение регулирования.

В апреле и мае 2024 г. авторы статьи выступали соорганизаторами круглых столов по вопросам развития регуляторной политики «Эффекты от экономической оценки правового регулирования: обмен региональным опытом» и «Практики эффективного диалога бизнеса и власти: клиентоцентричный подход». В круглых столах принимали участие представители уполномоченных в сфере оценки регулирующего воздействия органов России и субъектов РФ, уполномоченные по защите прав предпринимателей субъектов РФ, научно-аналитических организаций, предприятий и бизнес-ассоциаций. Минэкономразвития России как уполномоченным органом в сфере оценки регулирующего воздействия поддержаны данные мероприятия, а их выводы и рекомендации приняты к дальнейшей работе. В рамках дискус-

сии были констатированы следующие факты, характерные для текущего этапа развития института оценки регулирующего воздействия в регионах России. Во-первых, участие адресатов регулирования является необходимым условием для результативности проведения оценки в части выявления избыточной нагрузки для хозяйствующих субъектов и нахождения баланса интересов государственного и коммерческого секторов. Во-вторых, треть успешных оценок, когда были устранены административные барьеры, были реализованы в 2023 г. в российских регионах благодаря участникам публичных консультаций. В-третьих, наблюдается невысокая активность участия бизнеса в публичных консультациях и иных процедурах обсуждения регуляторной политики и правоприменительной практики в большинстве субъектов РФ. Такая ситуация зачастую обусловлена:

- ♦ отсутствием полной и аргументированной информации о необходимости регулировать правоотношения предлагаемым образом;

- ♦ ассиметричным доступом к информации со стороны бизнеса и государственных структур для подготовки обоснованных позиций на основе доказательного подхода;

- ♦ отсутствием эффективного механизма учета аргументированных позиций бизнеса, результатов обсуждений и заключений об оценке регулирующего воздействия;

- ♦ избыточным количеством проектов актов, выносимых на обсуждение, не предполагающих возможности их корректировки;

- ♦ отношением чиновников к оценке регулирующего воздействия как «избыточной» нагрузке на них и подчас неэтичным поведением при общении с участниками публичных консультаций.

Аналогичные выводы о состоянии института оценки регулирующего воздействия в России на современном этапе мы можем найти в трудах отечественных ученых [8–12].

Таким образом, с одной стороны, органы власти заявляют о заинтересованности вовлечения гражданского общества в коллективное принятие управленческих решений, с другой стороны, создают условия для снижения активности участия в публичных обсуждениях.

Целью данной статьи является построение на основе теории игр модели проведения публичных консультаций, обеспечивающей возможность настройки отдельных параметров в практике государственного управления для повышения эффективности оценки регулирующего воздействия как института принятия коллективных управленческих решений.

Методы

Построение модели проведения публичных консультаций помимо теории игр как прикладного инструмента анализа будет строиться на основных положениях теорий государственного управления и общественного сектора (для обоснования выигрышей сторон) и институциональной экономики (для описания механизмов взаимодействия предпринимательского сообщества с органами власти и установления потерь, преимущественно включающих транзакционные издержки).

На современном этапе развития экономической науки укоренился методологический релятивизм, основывающийся на сосуществовании индивидуальных предпочтений с институтами, организующими коллективный выбор. Вместе с тем возникает «ловушка цикличности», которую академик РАН А.Д. Некипелов описывает следующим образом: «общественному выбору должен предшествовать общественный выбор о том, каким образом этот выбор совершать» [13]. То есть необходимо определиться, будем мы опираться на «бинарные (парные) сопоставления членами общества его возможных состояний» или стремиться «опереться на функцию общественного благосостояния (полезности)» [14, с. 40]. Последний подход лежит в методологической платформе данной статьи и получил наивысшее развитие в трудах А. Бергсона [15]. Этот первоначальный выбор способа общественного выбора возвращает нас к вопросу о признании коллективных потребностей и ценностей, которые будут лежать в основе и служить ориентиром для конструирования института общественного выбора. Обозначим, что авторы исследования исходят из предпосылки наличия коллективной потребности общества, выражаемой государством и закрепляемой им в нормативных правовых актах, в том числе в виде охраняемых

законом ценностей, для обеспечения которых им устанавливаются обязательные требования [16].

Другим основанием теоретического фундамента исследования служат теории нового государственного управления [17], коллаборативного регулирования [3] и зарождающейся концепции бережливого регулирования [18]. Первая теория рассматривает регулирование как инструмент достижения общественно значимых целей государственного управления через совокупность эффективных норм и требований, при этом такая эффективность в том числе реализуется благодаря вовлечению адресатов регулирования в коллективное принятие решений.

Исследования проблем коллективного выбора восходят к трудам М. Олсона [19]. В терминологии М. Олсона государство как «стационарный бандит» будет стремиться максимизировать долгосрочные выигрыши, в том числе через создание инклюзивных институтов, подразумевающих привлечение и учет интересов налогоплательщиков (предпринимателей) как источника сбора ренты. В российской практике наблюдается стабильный спрос на институт оценки регулирующего воздействия и сопряженные механизмы со стороны государства, что выражается в постоянном расширении предметной области оценки как на федеральном, так и региональном уровне (например, с 2021 г. проведение оценки требований к осуществлению региональных и муниципальных полномочий; выделение в 2020 г. в качестве самостоятельного предмета оценки обязательных требований, в том числе для субъектов иной экономической деятельности), а также в совершенствовании технологического и методического обеспечения процедуры (например, принятие новой методики и создание калькулятора стандартных издержек со справочниками типовых оценок в 2024 г.).

Ряд исследователей в области государственного управления рассматривают оценку регулирующего воздействия как взаимодействие принципала (общества) и агента (государства), т.е. как инструмент контроля за регулятором с точки зрения принятия им нормативных правовых актов в интересах общества [6, с. 38]. С другой стороны, оценка регулирую-

шего воздействия рассматривается в некоторых трудах как инструмент лоббирования. Более того, в работах по вопросам коллаборативного регулирования описывается наличие существенного риска возникновения коррупционных ситуаций и «захвата регулятора» (явления, когда орган власти фактически не защищает общественные интересы, а выступает на стороне отдельных хозяйствующих субъектов или их групп) [3]. Вместе с тем лоббизм не всегда имеет незаконную форму, эксперты определяют его как «правомерную деятельность физических и юридических лиц, заключающуюся в оказании влияния на процесс принятия управленческих решений на различных уровнях публичной власти ради реализации их субъективных прав, свобод и законных интересов» [20, с. 45]. В данном труде мы будем исходить из предпосылки добросовестности регулятора в части представления интересов общества, обладающего представлением о коллективном благе, и позиционирования оценки регулирующего воздействия как инструмента продвижения интересов бизнеса или деловых ассоциаций в легальной плоскости.

Участие общественных представителей в публичном управлении осуществляется на добровольных началах, а получаемая ими от этого выгода зачастую носит ценностный характер либо выражается в получении преимуществ для укрупненной социальной группы, в том числе предприятий отдельной отрасли.

Проведение публичных обсуждений для органов власти является трудозатратным процессом, не дающим быстрых явных финансовых доходов. Их выгоды выражаются через выбор наиболее оптимального по использованию ресурсов варианта для создания необходимого уровня благосостояния (выраженного через производство благ или уровень безопасности охраняемых ценностей, решение так называемой проблемы общественного выбора [1], сокращение потенциальных избыточных издержек государственного и коммерческого секторов на выполнение неэффективных норм (что требует отдельной оценки), повышение справедливости и исполнимости принимаемых решений [21, с. 748; 22, с. 22], потому что они основаны на балансе интересов (одновременно снижаются издержки на контроль за

исполнением норм и повышается доверие электората)). Если же мы говорим об отдельном госслужащем, то его мотивация к совершенствованию регуляторной среды, развитию предпринимательства и повышению благосостояния общества крайне ограничена «ввиду отсутствия выраженных экономических стимулов» [4, с. 156]. Позитивной практикой здесь можно назвать переход в ходе реформы контрольно-надзорной деятельности 2018–2020 гг. от «палочной» системы оценки эффективности деятельности инспектора по количеству проведенных проверок к оценке через уровень безопасности охраняемых законом ценностей. Однако и здесь возникают трудности, связанные с увязкой таких показателей с усилиями отдельного инспектора и отложенностью эффекта его работы, в том числе профилактических мер.

Исследователи отечественной практики включения коммуникаций бизнеса и власти в государственное управление выделяют ряд особенностей, которые мы сгруппировали в табл. 1, а также охарактеризовали их проявление относительно института оценки регулирующего воздействия [1; 2; 4; 12; 23–27].

Авторами выбран в качестве ключевого метода исследования теоретико-игровой подход, поскольку он позволяет моделировать результаты взаимодействия, учитывая интересы участников и их возможные варианты поведения. В данном случае рассматривается взаимодействие государственного и коммерческого секторов, вынужденных выбирать стратегию взаимодействия друг с другом в рамках оценки регулирующего воздействия.

Теоретико-игровой подход сегодня находит широкое применение для анализа коллективных действий с большим числом агентов: для решения проблем эгоистических устремлений и несоответствия индивидуальных оптимумов с общественным оптимумом [28], коалиционных образований и поиска безопасных стратегий [29], выбора региональных политических режимов [30] и инвестиционной политики [31], конфликта интересов и нахождения равновесий [21], оптимальных условий взаимодействия местных органов власти и бизнеса [4], лоббирования [32–34] и других явлений и процессов.

Таблица 1

**Особенности отечественных институтов, обеспечивающих принятие коллективных решений
в государственном управлении**

Особенность отечественных институтов, обеспечивающих принятие коллективных решений в государственном управлении	Проявление указанной особенности относительно института оценки регулирующего воздействия
Инициатива коммуникации чаще всего находится на стороне органа власти, который также определяет порядок взаимодействия, круг лиц, имеющих право голоса, и широту их задач и возможностей влияния на управленческие решения [2, с. 247; 12, с. 31]	Решение о проведении оценки регулирующего воздействия проекта акта принимается органом-регулятором в соответствии с установленной предметной областью, решение об экспертизе принимается органом-регулятором по итогам рассмотрения предложений предпринимательского сообщества. Вместе с тем если документ вынесен на публичные консультации, направить отзыв по нему имеет право любой зарегистрированный на платформе участник. На федеральном уровне законопроекты, разрабатываемые депутатами, не подлежат оценке регулирующего воздействия (публичные обсуждения могут проводиться на основе их личного решения)
С обеих сторон (государственных органов и гражданского общества) преобладает доказательный подход [26; 27]	При вынесении правовых актов и их проектов на обсуждение на официальном сайте размещается сводный отчет, содержащий статистические данные, обосновывающие наличие проблемы, требующей государственного вмешательства, проводится расчет издержек регулирования, доказывається оптимальность выбранного подхода, в том числе с позиции соотношения ожидаемых общественных выгод и потерь. Участники публичных консультаций при направлении предложений по корректировке регулирования обосновывают свои позиции, в том числе в части расчета избыточных издержек, создаваемых правовыми нормами
«Взаимная лояльность» бизнеса и власти обеспечивает в условиях наличия обоюдной ответственности «взаимную максимизацию полезности», выраженную «не в частных (частно-групповых интересах отдельных чиновников и бизнес-структур), а в совокупной общественной выгоде», и «лежит в основе рациональной партнерской модели взаимодействия» [4, с. 161]	Предпринимательское сообщество готово включаться в публичные консультации более активно при наличии регламентированных процедур рассмотрения их предложений и урегулирования разногласий. В ходе дискуссий относительно содержания регуляторных норм ключевым аргументом с обеих сторон служит соотношение общественных выгод (а не преимуществ отдельных групп) с общественными издержками, включающими совокупность затрат государственного бюджета, бизнеса и граждан
Результативность деятельности «публичных институтов, формируемых на принципах добровольного участия представителей гражданского общества» весьма ограничена, что выражается в «фактическом отсутствии значимого влияния на принятие органами власти окончательного решения», а это в свою очередь нивелирует достижение «экономических и социальных эффектов от публичных обсуждений и учета сформированного общественного мнения» [2, с. 248]; «обсужденные и согласованные с деловым сообществом нормативно-правовые акты, поднимаясь по лестнице государственной законодательной иерархии, все значительнее отклоняются от первоначально задуманного содержания закона» [4, с. 160]	Органы-регуляторы обязаны рассмотреть и дать мотивированную позицию об учете или неучете предложений по каждому отзыву участника публичных консультаций. Вместе с тем на протяжении многих лет отмечается низкая степень учета предложений участников публичных консультаций, а также устранения барьеров на основании отрицательных заключений об оценке регулирующего воздействия или экспертизе. Законопроекты, разработанные исполнительными органами государственной власти, проходят оценку регулирующего воздействия до внесения в орган представительной власти, где, проходя три чтения, законопроект может быть существенно изменен без повторного прохождения оценки
Применение по возможности цифровых форм и технологий коммуникации [1; 23–25]	Проведение публичных консультаций и обеспечение обратной связи с участниками публичных консультаций обеспечивается посредством официального сайта

При разработке и анализе теоретико-игровой модели использованы термины, определенные в работе [35].

Результаты

Представим теоретико-игровую модель проведения публичных консультаций по проекту нормативного правового акта как парную неантагонистическую игру в матричной форме. В матрице игры представлены выигрыши (платежи) как разница между прямыми выгодами и издержками с учетом упущенных возможностей для двух игроков: Государства, в лице уполномоченного органа-регулятора, и Предпринимателя – бизнес-сообщества, которое могут представлять отдельные предприниматели или ассоциации.

Пусть некоторый орган-регулятор разрабатывает проект регуляторного акта. Он должен принять решение, проводить ли публичное обсуждение этого проекта с предпринимательским сообществом. Положим, что лицо, принимающее решение о проведении публичных консультаций, является руководителем государственного органа и он мотивирован добросовестно выполнять свои функции с целью обеспечения максимума общественного благосостояния, поэтому мы можем рассматривать его выигрыш равным G , выраженное через повышение благосостояния общества.

В свою очередь, Предприниматель (эксперт, представитель бизнес-ассоциации) принимает решение участвовать в обсуждении проекта или нет. При этом в рамках модели сделаем предположение (вполне реалистичное), что даже если орган-регулятор не делает свободного открытого обсуждения, но информация о планируемой разработке проекта появилась в экспертном сообществе (у предпри-

нимателя), то оно может принять усилия, чтобы оказать влияние на содержание документа и донести свою позицию регулятору. На современном этапе формальные отношения коммерческого сектора с государственным в вопросах влияния на регуляторную среду преобладают над неформальными, однако практика недобросовестного лоббизма сохраняется в виде коррупционных схем, включения аффилированных лиц в структуры, принимающие решения, кулуарное влияние «групп давления».

Пусть G – выигрыш органа от проведения публичных консультаций по проекту акта (ПК), B – выигрыш бизнес-сообщества (отрасли) от участия в обсуждении проекта, X и Y – их издержки соответственно (табл. 2).

С позиции государства: X^I – издержки установления правил I рода (слабое доказательство необходимости и оптимальности регулирования: недостижение положительного экономического эффекта, необоснованные издержки на выполнение неэффективных правил, издержки на сбор информации, судебные издержки в ходе правоприменения); X^{II} – издержки установления правил II рода (несоблюдение законодательства: недостижение положительного экономического эффекта, издержки возникновения коррупции); X^1 – издержки проведения публичных консультаций; X^2 – издержки контроля соблюдения требований; X^3 – издержки публичной подотчетности (или репутационные риски, обратно пропорциональны с доверием как составляющей выгоды G).

С позиции бизнес-сообщества: Y^1 – издержки на проведение анализа проекта акта и подготовку отзыва (включая привлечение юриста или профильного эксперта); Y^2 – издержки продвижения и отстаивания интересов (в том

Таблица 2

Матрица выигрышей в ситуации принятия решений относительно публичных консультаций

Государство	Предприниматель (ассоциация)		
	Стратегия	Участвовать в ПК	Не участвовать в ПК
Проводить ПК	(А «партнерские отношения») $G_1 - X^1_1 - X^{II}_1 - X^1_1 - X^2_1 - X^3_1$ $B_1 - Y^1_1 - Y^2_1 - Y^3_1$	(Б «инерционная») $G_2 - X^1_2 - X^{II}_2 - X^1_2 - X^2_2 - X^3_2$ $B_2 - Y^1_2 - Y^2_2 - Y^3_2$	
Не проводить ПК	(В «неформальный лоббизм») $G_3 - X^1_3 - X^{II}_3 - X^1_3 - X^2_3 - X^3_3$ $B_3 - Y^1_3 - Y^2_3 - Y^3_3$	(Г «доминирование государства») $G_4 - X^1_4 - X^{II}_4 - X^1_4 - X^2_4 - X^3_4$ $B_4 - Y^1_4 - Y^2_4 - Y^3_4$	

числе участия в согласительных совещаниях и советах, взаимодействия с бизнес-ассоциациями); Y^3_i – издержки в ходе правоприменения регулирования (реализации требования, коррупционные, судебные).

Опишем четыре возможных исхода взаимодействия:

А. «Партнерские отношения» представляют ситуацию, когда орган власти обсуждает регулирование со скооперированным предпринимательским сообществом, стремясь изначально к повышению общего благосостояния и проведя предварительный анализ; в свою очередь, бизнес высказывает позицию по регулированию, в результате принимается максимально сбалансированное по интересам сторон решение; государство, играя в открытую, идет на максимальные уступки.

Б. «Инерционная» ситуация, в которой орган власти изначально пытается предложить вариант максимизации общего благосостояния по своему усмотрению на основе собственного анализа, который не корректируется другими игроками в ходе открытых публичных процедур.

В. «Неформальный лоббизм», при котором государство планировало принять закрыто максимально выгодный для себя вариант регулирования, но в следствие лоббистского кулуарного давления идет на уступки отдельным «группам давления».

Г. «Доминирование государства», когда решение принимается закрыто органами власти в свою пользу.

Из сущности описанных исходов можно утверждать, что:

$$\begin{aligned} G_4 > G_3 > G_2 > G_1; \\ B_1 > B_3 > B_2 > B_4; \\ X^1_3 > X^1_4 > X^1_2 > X^1_1; \\ X^{11}_4 > X^{11}_3 > X^{11}_2 > X^{11}_1; \\ X^{12}_1 > X^{12}_2 > X^{12}_3 > X^{12}_4 = 0; \\ X^{22}_4 > X^{22}_3 > X^{22}_2 > X^{22}_1; \\ X^{33}_1 > X^{33}_2 > X^{33}_3 > X^{33}_4; \\ Y^{11}_1 > Y^{11}_3 > Y^{11}_2 = Y^{11}_4 = 0; \\ Y^{22}_3 > Y^{22}_1 > Y^{22}_2 = Y^{22}_4 = 0; \\ Y^{33}_4 > Y^{33}_2 > Y^{33}_3 > Y^{33}_1. \end{aligned}$$

Запишем условие, при выполнении которого «Партнерские отношения» (ситуация А: органам власти проводить публичные консультации, а бизнес-сообществу выразить через них

свою позицию) является равновесием в доминирующих стратегиях:

$$\begin{aligned} \max (G_i - X^1_i - X^{11}_i - X^2_i - X^3_i) = \\ = G_1 - X^1_1 - X^{11}_1 - X^2_1 - X^3_1; \\ \max (B_i - Y^1_i - Y^2_i - Y^3_i) = B_1 - Y^1_1 - Y^2_1 - Y^3_1. \end{aligned}$$

Введем несколько предпосылок модели, обусловленных практикой российского государственного управления:

во-первых, государство имеет максимальную переговорную силу, поскольку за ним закреплён потенциал насилия;

во-вторых, имеется асимметрия информации в пользу государства (оно более информировано, поэтому обществу нужны механизмы выравнивания этой асимметрии).

Эти предпосылки (их строгость и сила) могут быть учтены в матрице в виде коэффициентов перед параметрами издержек проведения публичных консультаций X^1_i , издержек на проведение анализа проекта акта и подготовку отзыва Y^1_i , издержек продвижения и отстаивания интересов Y^2_i .

Обсуждение

Авторы GR-рейтинга 100 крупнейших российских компаний без государственного участия за 2022 г. пришли к выводу, который подтверждает нашу теоретико-игровую модель, что наиболее развиты GR-функции в организациях тех отраслей экономики, где велика регулирующая и распределяющая деятельность государства (машиностроение, нефть и газ, химия и нефтехимия) и требуется соучастие в регулировании (то есть значения выигрыша организаций В существенно превышают издержки участия в публичных консультациях) [23, с. 18].

Учитывая, что публичное обсуждение регулирования проводится органами власти на постоянной основе, то описанная нами модель может быть развита до эволюционной игры (игры в несколько этапов). В таком случае для исхода станут важны еще такие факторы, как первоначальная позиция участников «как носителей эгоистических и альтруистических стратегий», преодоление асимметрии информации с помощью стратегических ходов и создания репутации [30, с. 107], «состояние институтов взаимодействия, уровня взаимного доверия,

барьеров, мер по стимулированию» [21, с. 744]. Модель также может быть расширена и уточнена как кооперационная игра (где игроки могут объединять свои усилия и создавать коалиции) при рассмотрении условий кооперации бизнес-сообщества.

В рамках организации круглых столов по тематике регуляторной политики весной 2024

г. авторами был проведен опрос государственных служащих субъектов РФ и представителей научного и предпринимательского сообщества относительно их представлений об институте оценки правовых актов на современном этапе в регионах России. Распределение ответов респондентов представлено соответственно на рис. 1 и 2.

Рис. 1. Распределение ответов государственных служащих субъектов РФ при выборе варианта ответа на вопрос, что скорее представляет собой ОРВ в российской практике регионов (доля респондентов, % / порядковое место варианта)

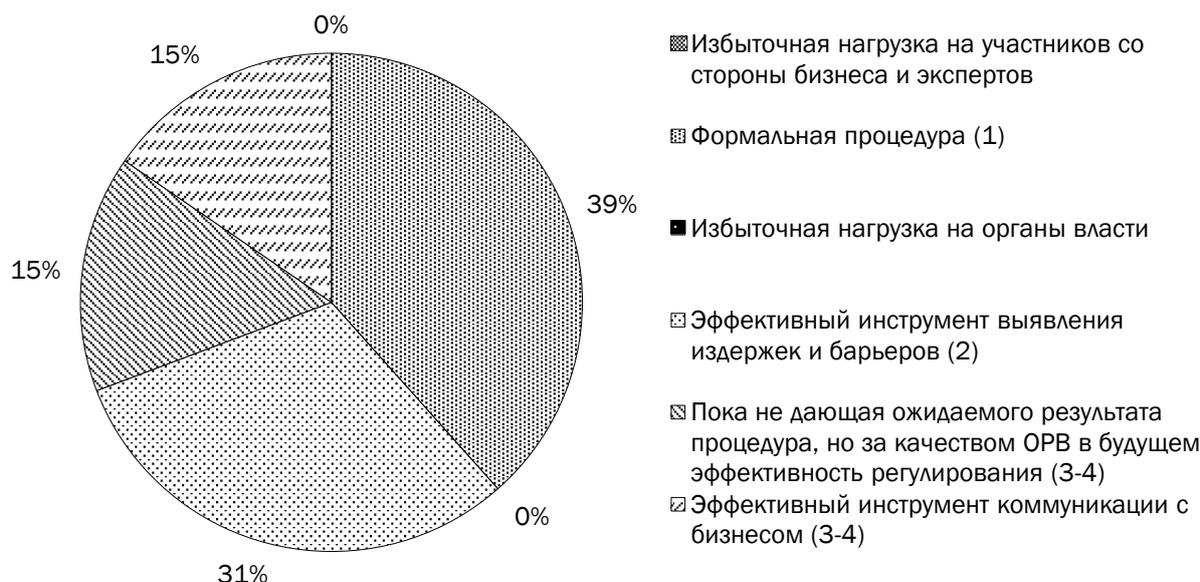

Рис. 2. Распределение ответов экспертов-участников публичных консультаций при выборе варианта ответа на вопрос, что скорее представляет собой ОРВ в российской практике регионов (доля респондентов, % / порядковое место варианта)

Заключение

В целом среди всех групп участников процедур оценки регулирующего воздействия есть и скептики, и оптимисты в отношении эффективности института оценки правовых актов и как инструмента снижения административной нагрузки, и как механизма балансировки интересов сторон.

Вместе с тем коммерческий сектор не считает процедуры оценки избыточными, хотя обеспокоен их формализмом (что говорит об актуальности проблемы принципал-агента). Поэтому ключевой задачей в среднесрочной

перспективе представляется трансформация отношений региональных чиновников к институту оценки, увеличение вовлеченности первых лиц в совершенствование регуляторной среды, усиление степени учета позиций участников публичных консультаций и выводов заключений об оценке, снижение асимметрии доступа к информации для обеспечения доказательного подхода со стороны бизнеса, повышение прозрачности и ясности размера выгод и издержек участников публичных консультаций для повышения уровня определенности при выборе GR-стратегии [36].

Список источников

1. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 52–72.
2. Смотрицкая И.И. Государственное управление: на пути к диалогу и сотрудничеству? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 4 (61). С. 246–252. doi:10.31737/22212264_2023_4_246-252.
3. Talias M. Collaborative regulation: collaborative governance in regulation // Collaborative Governance. 2021. Pp. 165–189.
4. Дегтярев А.Н., Маликов Р.И., Гришин К.Е. Сопряженность интересов бизнеса и власти как условие развития предпринимательского сообщества // Общество и экономика. 2014. № 2-3. С. 156–173.
5. Илюхин А.А., Корсакова Е.А. Реформирование экономики: теоретико-методологический аспект // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 2. С. 172–176.
6. Радченко Т., Паршина Е. Оценка регулирующего воздействия в России: практика применения и выводы из теории // Экономическая политика. 2014. № 3. С. 36–60.
7. Василевская М.М., Казанцев К.И., Шепелева О.С. Качество проведения оценки регулирующего воздействия в России: что показывает сплошной анализ текстовых данных? Москва : ЦПУР, 2021. 60 с.
8. Система организации оценки регулирующего воздействия в Челябинской области / Я.Ю. Казанцев, И.Ю. Пирожкова, И.Н. Чигинцева [и др.] // Экономика и политика. 2020. № 2 (16). С. 11–16.
9. Колесник В.О. Практика проведения оценки регулирующего воздействия в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2020. № 5. С. 226–228. doi:10.24411/2312-0444-2020-10300.
10. Мамитова Н.В., Петренко А.В. Оценка регулирующего воздействия в условиях цифровизации: современные подходы // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 156–165. doi:10.47905/MAT-GIP.2022.125.1.013.
11. Миминошвили Р.Т. Оценка регулирующего воздействия в системе государственного управления Российской Федерации: текущая ситуация и пути развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 1, № 2 (143). С. 60–67. doi:10.36871/ek.up.p.r.2024.02.01.007.
12. Шамарова Г.М. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 8 (202). С. 29–37. doi:10.46554/1993-0453-2021-8-202-29-37.
13. Некипелов А.Д. Модель «чистого распределения» как инструмент исследования проблемы группового выбора : доклад на международном научном семинаре «Теоретическая экономика» Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации 30 мая 2024 года.
14. Некипелов А.Д. О возможности формирования обновленной парадигмы теорий индивидуального и группового выбора // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2024. Т. 76, № 1. С. 33–43. doi:10.52897/2411-4588-2024-1-33-43.
15. Bergson A.A. Reformulation of certain aspects of welfare economics // Quarterly Journal of Economics. 1938. No. 52. Pp. 310–334.
16. Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ.

17. Osborne D., Gaebler T. Catalytic government: steering rather than rowing // *Reinventing government: how the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. 1992. Pp. 25–48.
18. Рахмеева И.И., Андронов М.Ю. Экономический анализ права: к вопросу о критериях избыточности правовых норм в финансовой сфере // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2023. № 10. С. 54–64. doi:10.37882/2223-2974.2023.10.23.
19. Olson M. *The logic of collective action: public goods and the theory of groups*. London : Harward University press, 1965. 186 p.
20. Куликов М.А. Лоббизм как форма манипулирования юридическими целями и средствами: постановка проблемы // *Вестник Поволжского института управления*. 2023. Т. 23, № 1. С. 44–51. doi:10.22394/1682-2358-2023-1-44-51.
21. Коровин Г.Б. Теоретическая модель мультисубъектной промышленной политики // *Вестник УрФУ*. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16, № 5. С. 744–759. doi:10.15826/vestnik.2017.16.5.036.
22. Рахмеева И.И. Региональная регуляторная среда: на распутье : монография / Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. 210 с.
23. Барыкин А.Н., Исляев Т.Р., Колесник А.Ю. GR-рейтинг за 2022 год: 100 крупнейших российских компаний без государственного участия. *Ridero*, 2024. 144 с.
24. Комарова О.В., Куклинова П.С. Методические аспекты оценки уровня развития НИО 2.0 в регионах: проблемы и вызовы // *Управление в современных системах*. 2023. № 4 (40). С. 29–43. doi:10.24412/2311-1313-40-29-43.
25. Коновалова М.Е., Литовченко В.А. Институциональные особенности функционирования фондового рынка // *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 11 (160). С. 39–42. doi:10.34925/EIP.2023.160.11.004.
26. Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика / Г.В. Семья, В.В. Станилевский, А.А. Газарян, А.С. Некрасов // *Социальная психология и общество*. 2022. Т. 13, № 1. С. 209–223. doi:10.17759/sps.2022000001.
27. Соловьев А.И. «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14, № 5. С. 61–80. doi:10.23932/2542-0240-2021-14-5-3.
28. Скаржинская Е.М., Цуриков В.И. Эндогенное формирование лидерства в коллективных действиях с использованием модифицированного алгоритма timing decisions // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2023. № 4 (61). С. 51–68. doi:10.31737/22212264_2023_4_51-68.
29. Искаков М.Б., Искаков А.Б. Равновесие в безопасных стратегиях как развитие концепции равновесия Нэша // *Математическая теория игр и ее приложения*. 2023. Т. 15, № 1. С. 48–72.
30. Расторгуев С.В. Эволюционные игры как модели региональных политических процессов // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2022. № 1. С. 99–109. doi:10.24412/2071-6141-2022-1-99-109.
31. Теоретико-игровой метод рационализации инвестиционной политики экономических субъектов / Д.Г. Родионов, А.А. Зайцев, Н.Д. Дмитриев, Н.Г. Викторова // *Бизнес. Образование. Право*. 2023. № 2 (63). С. 109–117. doi:10.25683/VOLBI.2023.63.614.
32. Bombardini M., Trebbi F. Empirical models of lobbying // *Annual Review of Economics*. 2020. No 12 (1). Pp. 391–413.
33. Kang K. Policy influence and private returns from lobbying in the energy sector // *The Review of Economic Studies*. 2016. No. 83 (1). Pp. 269–305.
34. Pecorino P. Is there a free-rider problem in lobbying? Endogenous tariffs, trigger strategies, and the number of firms // *The American economic review*. 1998. No 88 (3). Pp. 652–660.
35. Петросян Л.А., Зенкевич Н.А. Теория игр и социально-экономическое поведение // *Экономическая школа. Аналитическое приложение*. 2002. Т. 1, № 1. С. 119–131.
36. Технологии и тренды учета, отчетности и контроля в условиях развития цифровой среды государственного управления / Р.С. Близкий, Ю.Ж. Будаева, В.А. Долгушкина, С.В. Гулуа // *Бухучет в здравоохранении*. 2023. № 4. С. 5–17. doi:10.33920/med-17-2304-01.

References

1. Polterovich V.M. The crisis of institutions of political competition, the Internet and collaborative democracy // *Economic issues*. 2021. No. 1. Pp. 52–72.

2. Smotrinskaya I.I. Public governance: towards dialogue and cooperation? // Journal of the New Economic Association. 2023. No. 4 (61). Pp. 246–252. doi:10.31737/22212264_2023_4_246-252.
3. Talias M. Collaborative regulation: collaborative governance in regulation // Collaborative Governance. 2021. Pp. 165–189.
4. Degtyarev A.N., Malikov R.I., Grishin K.E. Joint business and authority efforts as a means of promotion to business community development // Society and Economics. 2014. No 2-3. Pp. 156–173.
5. Ilyukhin A.A., Korsakova E.A. Reforming the economy: theoretical and methodological aspect // The Journal of Economic Theory. 2018. Vol. 15, No. 2. Pp. 172–176.
6. Radchenko T., Parshina E. Regulatory impact assessment in Russia: application practice and conclusions from theory // Economic policy. 2014. No. 3. Pp. 36–60.
7. Vasilevskaya M.M., Kazantsev K.I., Shepeleva O.S. The quality of regulatory impact assessment in Russia: what does the continuous analysis of text data show? Moscow : TSPUR, 2021. 60 p.
8. The system of organization of regulatory impact assessment in the Chelyabinsk region / Ya.Yu. Kazantsev, I.Yu. Pirozhkova, I.N. Chigintseva [et al.] // Economics and Politics. 2020. No. 2 (16). Pp. 11–16.
9. Kolesnik V.O. The practice of conducting regulatory impact assessment in the Russian Federation // Civil Service and personnel. 2020. No. 5. Pp. 226–228. doi:10.24411/2312-0444-2020-10300.
10. Mamitova N.V., Petrenko A.V. Assessment of regulatory impact in the context of digitalization: modern approaches // Theory of state and law. 2022. No. 1 (26). Pp. 156–165. doi:10.47905/MAT-GIP.2022.125.1.013.
11. Miminoshvili R.T. Assessment of the regulatory impact in the public administration system of the Russian Federation: the current situation and ways of development // Economics and Management: problems, solutions. 2024. Vol. 1, No.2 (143). Pp. 60–67. doi:10.36871/ek.up.p.r.2024.02.01.007.
12. Shamarova G.M. Interaction of local self-government bodies with the population: domestic and foreign experience // Vestnik of Samara State University of Economics. 2021. No. 8 (202). Pp. 29–37. doi:10.46554/1993-0453-2021-8-202-29-37.
13. Nekipelov A.D. The "pure distribution" model as a research tool for the problem of group choice : report at the international scientific seminar "Theoretical economics" of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences and the New Economic Association on May 30, 2024.
14. Nekipelov A.D. On the possibility of forming an updated paradigm of individual and group choice theories // The Economy of the North-West: Problems and prospects of development. 2024. Vol. 76, No. 1. Pp. 33–43. doi:10.52897/2411-4588-2024-1-33-43.
15. Bergson A.A. Reformulation of certain aspects of welfare economics // Quarterly Journal of Economics. 1938. No. 52. Pp. 310–334.
16. Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" dated 31.07.2020 No. 247-FZ.
17. Osborne D., Gaebler T. Catalytic government: steering rather than rowing // Reinventing government: how the entrepreneurial spirit is transforming the public sector. 1992. Pp. 25–48.
18. Rakhmееva I.I., Andronov M.Yu. Economic analysis of law: on the issue of criteria for redundancy of legal norms in the financial sphere // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2023. No. 10. Pp. 54–64. doi:10.37882/2223-2974.2023.10.23.
19. Olson M. The logic of collective action: public goods and the theory of groups. London : Harward University press, 1965. 186 p.
20. Kulikov M.A. Lobbying as a form of manipulation of legal goals and means: problem statement // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2023. Vol. 23, No. 1. Pp. 44–51. doi:10.22394/1682-2358-2023-1-44-51.
21. Korovin G.B. Theoretical model of the multisubject industrial policy // Bulletin of UrFU. Series Economics and Management. 2017. Vol. 16, No. 5. Pp. 744–759. doi:10.15826/vestnik.2017.16.5.036.
22. Rakhmееva I.I. Regional regulatory environment: at the crossroads : monograph / Ural State University of Economics. Ekaterinburg : Ural State University of Economics Publishing House, 2021. 210 p.
23. Barykin A.N., Islyayev T.R., Kolesnik A.Yu. GR-rating for 2022: 100 largest Russian companies without government participation. Ridero, Moscow, 2024. 144 p.
24. Komarova O.V., Kuklinova P.S. Methodological aspects of assessing the level of R&D 2.0 development in the regions: problems and challenges // Management in modern systems. 2023. No. 4 (40). Pp. 29–43. doi:10.24412/2311-1313-40-29-43.
25. Konovalova M.E., Litovchenko V.A. Institutional features of the stock market functioning // Economics and entrepreneurship. 2023. No. 11 (160). Pp. 39–42. doi:10.34925/EIP.2023.160.11.004.

26. Evidence-based approach in management: evidence-based management and policy / G.V. Semya, V.V. Stanilevsky, A.A. Gazaryan, A.S. Nekrasov // *Social psychology and Society*. 2022. Vol. 13, No. 1. Pp. 209–223. doi:10.17759/sps.2022000001.
27. Soloviev A.I. "Evidence-based policy" and "policy of evidence": the dilemma of post-soviet societies // *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021. Vol. 14, No. 5. Pp. 61–80. doi:10.23932/2542-0240-2021-14-5-3.
28. Skarzhinskaya E.M., Tzurikov V.I. The endogenous formation of leadership in collective actions using the modified timing decisions algorithm // *Journal of the New Economic Association*. 2023. No. 4 (61). Pp. 51–68. doi:10.31737/22212264_2023_4_51-68.
29. Iskakov M.B., Iskakov A.B. Equilibrium in secure strategies as a development of the concept of Nash equilibrium // *Mathematical game theory and its applications*. 2023. Vol. 15, No. 1. Pp. 48–72.
30. Rastorguev S.V. Evolutionary games as models of regional political processes // *Proceedings of Tula State University. Humanitarian sciences*. 2022. No. 1. Pp. 99–109. doi:10.24412/2071-6141-2022-1-99-109.
31. Game-theoretic method of rationalization of investment policy of economic entities / D.G. Rodionov, A.A. Zaitsev, N.D. Dmitriev, N.G. Viktorova // *Business. Education. Law*. 2023. No. 2 (63). Pp. 109–117. doi:10.25683/VOLBI.2023.63.614.
32. Bombardini M., Trebbi F. Empirical models of lobbying // *Annual Review of Economics*. 2020. No 12 (1). Pp. 391–413.
33. Kang K. Policy influence and private returns from lobbying in the energy sector // *The Review of Economic Studies*. 2016. No. 83 (1). Pp. 269–305.
34. Pecorino P. Is there a free-rider problem in lobbying? Endogenous tariffs, trigger strategies, and the number of firms // *The American economic review*. 1998. No 88 (3). Pp. 652–660.
35. Petrosyan L.A., Zenkevich N.A. Game theory and socio-economic behavior // *The economic school. Analytical application*. 2002. Vol. 1, No. 1. Pp. 119–131.
36. Technologies and trends of accounting, reporting and control in the context of the development of the digital environment of public administration / R.S. Blizky, Yu.Zh. Budaeva, V.A. Dolgushina, S.V. Gulua // *Accounting in healthcare*. 2023. No 4. Pp. 5-17. doi:10.33920/med-17-2304-01.

Информация об авторах

И.И. Рахмеева – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета;
Д.В. Филатов – ассистент кафедры экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета;
М.Ю. Андронов – директор по развитию компании «Асорт», координатор отраслевого направления МФО и КПК фирмы «1С».

Information about the authors

I.I. Rakhmееva – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Applied Sociology of the Ural State University of Economics;
D.V. Filatov – assistant of the Department of Economic Theory and Applied Sociology of the Ural State University of Economics;
M.Yu. Andronov – director of Development of Ascort Company, coordinator of the branch direction of MFIs and CPC of 1C company.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 10.03.2025.

The article was submitted 11.11.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 10.03.2025.